

Максим Каминский

СТИХОТВОРЕНИЯ

Нью-Йорк, 2018

Максим Каминский Стихотворения. Нью-Йорк, 2018

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=32829119

ISBN 9785449062871

Аннотация

Сборник стихотворений, написанных в Нью-Йорке в течение последних лет и за всю жизнь. Фотография на обложке – работы автора.

Содержание

СОНЕТ	5
«Торгующий деньгами на углу...»	6
ОКТАБРЬ	7
БЕДНЫЕ РИФМЫ	8
«В уголках лживых глаз рыжей хной запиши...»	10
«Ты говоришь, что нету ничего...»	11
ЛЕТОМ	12
«Не зря тебя ругают и корят...»	13
ЛУЛУ	14
РЭП О НАСТОЯЩЕЙ ЛЮБВИ	16
РЭП О РОССИИ	18
РЭП О НАДЕЖДЕ	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Стихотворения Нью-Йорк, 2018

Максим Каминский

© Максим Каминский, 2018

ISBN 978-5-4490-6287-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

.

Perdiderint cum me duo crimina, carmen et error
Ovid. Tristia II, 207

.

«Две погубили меня причины: стихи и оплошность»
Овидий. Tristia (Перевод З. Н. Морозкиной)

СОНЕТ

Т.Х.

На синем фоне солнечный кружок —
под ветром небо – реющее знамя
страны прекрасной, выдуманной нами
и нам же указавшей на порог.

Он смотрит на потрёпанный листок —
плохой портрет её в оконной раме,
изученный им вдоль и поперёк,
всё хуже и мучительней с годами.

Он смотрит на неё влюблёнными глазами
и видит перекрёсток трёх дорог,
далёкий свет, пустыню, море, пламя,
растущий на груди её цветок, —
он видит то, что никогда словами
он ни сказать, ни объяснить не мог.

«Торгующий деньгами на углу...»

Торгующий деньгами на углу,
голодный нищий, как тебе в миру?
Я тоже эту музыку люблю
и музыканта за руку беру.

Так промолчавший годы телефон
сорвётся с непривычки на фальцет,
она вздохнёт с надеждой: «Это он»,
а никого уже в помине нет.

В кого ты целишь, горе-птицелов?
На этот раз срывается, увы,
стрела твоя, как музыка без слов,
как головная боль без головы.

ОКТЯБРЬ

Октябрь – самый мистический месяц. Он отлит в философском камне.

Это пора исполнения пророчеств, время скандалов, безумств.

Мраморный ангел в парке говорит кариатиде: – Дай мне, дай мне напиться из твоих холодных безжизненных уст.

Октябрь – месяц разговоров, и миллионы языков смешаны в нём с уже прошлогодними листьями, ветвями, травой.

Горе тебе, прохожий! Вот уже и ветер, захныкав, гонит стада чёрных деревьев, словно пастух, на убой.

Золото октября несовместимо с жизнью. Да что там какая-то жизнь, если здесь гибель лета, заката, богов? Мраморный ангел в парке покрывается липким потом, и от слёз его горьких река забвенья выходит из берегов.

БЕДНЫЕ РИФМЫ

Она несёт ведро воды,
но не в ведре, а так.
Светлы, как дни, её труды,
но дни – тоска и мрак.

Она несёт воды домой,
ни в чём, а просто так,
и говорит сама с собой,
трясёт обритой головой
и прыскает в кулак.

Слезятся ног её следы,
болят, кровоточат.
Полдня пути, сто вёрст беды,
так недалёко до судьбы,
хотя фонарные столбы
повыстроились в ряд.

Сквозь них тяжёлой, липкой мглой
идёт на землю снег,
сквозь них – оркестр полковой,
шаги и детский смех

(играет музыка отбой,

и детский слышен смех).

– Несть, несть завесы дымовой,
прощальной точки болевой,
нет закулисы мировой
и упразднения вех!

Она мотает головой
и молится за всех:

– Вон там, от утренней звезды
исходит дивный свет.

Она несёт ведро воды,
но не в ведре же, нет

«В уголках лживых глаз рыжей хной запиши...»

В уголках лживых глаз рыжей хной запиши:
Где границы бессмертной души?

Где кончается то, что зовём мы душой?
Где межа между мной и тобой?

Для чего тут столбы, пограничники, лес,
достающий до самых небес?

Слышишь, воют по-волчьи овчарки? Земля
тут ничья – ни твоя, ни моя.

Перепаханной мёртвой лежит полосой.
На замке. Между мной и тобой.

То, что мы называем душою, – стена.
Верить в то, что бессмертна она?

«Ты говоришь, что нету ничего...»

Ты говоришь, что нету ничего,
за исключением сиреневого сада,
и что тебе, богине, от него
не так уж много, в сущности, и надо.

Ну, чтоб он был, чтоб цвёл хоть иногда,
к двенадцатым праздникам, не чаще,
и чтоб в итоге каждая звезда
зажглась бы наготой кровоточащей,

чтоб отпевала сонные цветы
обломанных ветвей любовь и сила..
Что там ещё наговорила ты?
Что напридумывала? Что понакрутила?

Ведь если ты не божество, а швах,
ключок земли, обмылок пластилина,
то почему ж тогда, скажи, в горах
со стоном сходит снежная лавина?

ЛЕТОМ

Лето скороспелых поцелуев
и безвкусных яблок неолит.
Облако-табун уже ревнует
и грохочет топотом копыт.

Победитель жизни – змей воздушный —
шлёт с небес воздушный поцелуй,
но уже растоплен полюс южный
океаном слёз, потопом струй.

Льётся чистой, мощною струёю
с неба в сердце мёртвая вода,
и не в силах справиться с собою,
человек уходит в никуда.

Ерунда всё это, чушь, пустое.
Будешь спорить?
Отвечаю: – Да.

Впрочем, нет. Бессмысленно об этом,
коль разделены вода и твердь.
Всё, конечно, происходит летом.
Лето – это маленькая смерть.

«Не зря тебя ругают и корят...»

Не зря тебя ругают и корят,
на все лады твоё пинают имя
друзья так называемые – ими
твоя дорога вымощена в ад.

Дорога в ад, а вдоль неё цветов,
деревьев, трав развесистая клюква,
рукой заботливой подкинута кукла
всех отзвеневших дантовых кругов.

Но буква ль дух? Спроси-ка у болот,
у незалежных залежей метана,
у тех, кто этим дышит постоянно,
у тех, кого водой и тиной рвёт.

Они тебе ответят криком птиц,
сиреневым в ночи кромешной воем,
но мы ж друзья с тобой, и значит, нам обоим
пора умыться правдой наших лиц.

Не ссы, дружище, мы ещё построим
по-над крутым берёзовым покоем
град-солнце перевёрнутых страниц.

ЛУЛУ

Был в огнях лунапарк. То есть там фонари
голосили огнями всю ночь до зари.

А когда поутру занималась заря,
выяснялось, что всё это даром, зазря.

Я рос маленькой девочкой с куклой в руках.
Голоса и шаги – всё внушало мне страх.

И особенно тени, что пели в углу:

– Просыпайся, Лулу.

– Собирайся, Лулу.

– Не пугайся и не
ужасайся, Лулу.

Чёрен был небосвод, как чернильная мгла.
Время шло. Всё менялось. Я тоже росла.

И отец колотил кулаком по столу:

– Одевайся, Лулу.

– Раздевайся, Лулу.

– Не смущайся, не
сопротивляйся, Лулу.

Время шло. Я выросла. Из платьев нагих
вырастала быстрее, чем рвали мне их.

И когда поутру занимался восход,

в кровь кусала себе нецелованный рот.

А всем тем, кто меня пуще жизни любил,
подливала в вино тёмно-красных чернил.

Жизнь прошла. И чернильным пятном на полу:

– Одевайся, Лулу.

– Собирайся, Лулу.

– Засыпай, чтобы не просыпаться, Лулу.

РЭП О НАСТОЯЩЕЙ ЛЮБВИ

Настоящая любовь может только убить,
разорвать на куски, распотрошить,
вырвать сердце и печень, разорвать рот,
вывернуть всё наизнанку,
перевернуть с ног на голову или наоборот.

Разобрать, как конструктор, а потом собрать по частям,
по рваным мышцам, вывихнутым суставам,
переломанным костям,
вывернуть кишками наружу, перевернуть вверх дном.
Настоящая любовь – это всегда погром.

Она не может ни вылечить, ни – тем более – воскресить.
Настоящая любовь – это чума, она может только убить.
Выжечь напалмом, превратить в соляной столп.
Неважно, идёт ли речь об одном человеке или о сборище
обезумевших толп.

В мире ненависти и отчаяния, мышей и сов,
обесцененных чувств и обсценных слов
умудрённые опытом, закалённые в горячих точках
бойцы —
при столкновении с любовью все они мертвецы.

Всем им тут уготован один лишь гигантский гроб,
потому что настоящая любовь ледорубом вонзается в лоб
или копьём под рёбра, а оттуда – кровь и вода.
Настоящая любовь – убивает всегда.

Настоящая любовь убивает всех и всегда.

Настоящая любовь убивает.

Настоящая любовь.

Настоящая.

РЭП О РОССИИ

Россия небесная,
светлая, безвестная
нищенская, не местная,
никому – и в первую очередь самой себе – неинтересная,
мало кому известная,
но от этого ничуть не менее дивная и чудесная,
воскресная.

Россия предвечная,
белая, подвечная,
радостная, беспечная,
как река весной, быстротечная,
поломанная, увечная,
выпотрошенная, изуродованная, заплечная,
бесчеловечная
первая встречная.

Россия великая,
слепая, глухонемая, безъязыкая,
двуличная, многолика,
многовековое горе мыкая,
многовековое горе кликая,
пальцем в небо и в грудь всем тыкая,
лыбится, дикая.

Россия потешная,
обобранная, безуспешная,
покаянная, рыдающая, безгрешная,
вечная, вешняя,
Россия внутренняя и Россия внешняя,
безутешная.

Россия мнимая,
как купина, неопалимая,
поверженная, непобедимая,
нежная и ранимая,
неизвестно кем и непонятно для чего хранимая,
неудобоносимая,
непроизносимая,
любимая и нелюбимая
любимая.

Россия крестная,
распятая, болезная,
растоптанная, бесполезная,
как скала, отвесная,
мало кому интересная,
практически никому не известная,
праздничная, воскресная,
повсеместная.

Россия Небесная.

РЭП О НАДЕЖДЕ

Как известно, надежда в нашем мире умирает последней.
Богом забытой, вымершей, кроме пары древних старух,
деревней,
лужей грязной воды, оставшейся после ухода гостей
в передней,
рыбой, выбросившейся на берег со всем своим скарбом
страхов и бредней
первой школьной любовью несовершеннолетней,
нелётной погодой, наледью, нелепой сплетней,
последней.

Но есть иной мир, там образа говорят друг с другом,
и каждая стрекоза считает себя вправе отдавать приказы
незримым слугам,
отёрта там каждая слеза, всё оплакано, выкуплено
отчаянием и испугом
(каждое лекарство больно неизлечимым недугом),
и сверхновое солнце покорно идёт за плугом
пахать им – не перепахать то, что было когда-то
затопленным ныне лугом.

Там ни болезни нет, ни воздыхания, ничто
не оскверняется скверной,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.